

Изваяние с одним Неизвестным

«Древо жизни» пустило корни в Москве

презентация скульптура

КОММЕРСАНТ. — 2004. — 11 ОКТЯБРЯ. — С. 21

Монументальная скульптурная композиция Эрнста Неизвестного «Древо жизни», несколько лет не находившая себе пристанища в Москве, наконец-то обрела постамент. Семиметровую скульптуру разместили в вестибюле пешеходного моста «Багратион». Комментирует СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Жизнь распорядилась «Древом», надо признать, нетривиально. Формально все просто — крупный подарок крупного скульптора городу. И город, понятное дело, нашел для подарка место, пускай и не сразу. Ситуация вроде известная: печальный счет особнякам, безнадежно испорченным с целью вмещать подарки особо привилегированных мастеров искусства, увы, открыт уже давно и не собирается обрываться. И скандальности во всей истории с «Древом жизни» было хоть отбавляй. Только весь вопрос в том, как эта скандальность устроена.

Скульптор Неизвестный живет, как известно, в Америке. После 1991 года по отношению к руководству новой России паразитально долго держался с неангажированной корректностью (тем неожиданнее, правда, зазвучали из его уст мадригалы в адрес действующего президента, когда до них все-таки дошло дело). Никакой академии художеств в Москве у него нет, есть только скромно ведущий себя фонд (тем удивительнее было разнесшееся несколько лет назад известие о том, что скульптор все-таки задумал сотворить в центре Москвы некий культурно-торгово-офисный комплекс). Да в общем Москва здесь изначально и ни при чем, потому что «Древо жизни» задумывалось не для Москвы вовсе. Может быть, для Нью-Йорка. «Может быть», потому что, если верить художнику, его *opus magnum* изначально должен был отображать столько вселенских идеалов, совмещать в себе столько символов и кодов, что, собственно, географический пункт его нахождения не так уж важен — что Москва, что Нью-Йорк, да хоть Бенарес. Все равно ведь на века. Для будущих поколений. Для новых цивилизаций.

Ну да, вот такие художника посещали дерзновения (точнее, так он об этом рассказывает, а это не одно и то же), благо над идеей «Древа жизни» он трудился 45 лет. Это, кажется, чрезвычайно симпатично — десятилетиями сидеть и кабинетно придумывать, как гигантские ленты Мебиуса и символы религий («Причем не только основных, но и совершенно далеких — племенных, островных»), сплетаясь, будут прорастать во что-то такое пророчески-эзотерическое. Как готовое сооружение достигнет 150-метровой высоты, а внутри разместится вся Организация Объединенных Наций. И дальше, дальше, смелее. Вот, продолжает скульптор, «я хотел привлечь к работе над „Древом жизни“ огромное количество художников различных школ, которые бы создавали некую синтетическую мистерию, где задействовано было бы все — от абстракции до гиперреализма, от подвижных объектов до кино, от живописи до витражей...»

И просто даже не сопоставляется это наивное нью-эйджерство, помноженное на визионерство а-ля русский авангард 1920-х, с низкой повседневностью. Тем не менее еще в 1997-м скульптор предложил Юрию Лужкову, в ту пору приехавшему в Америку с визитом, свое «умозрение в бронзе» в качестве подарка городу. Мэр согласился с удивительным энтузиазмом, как это обычно и бывает. И место быстро нашли — здание мэрии на Новом Арбате («книжка», бывшее здание СЭВа).

То, что «Древо» в итоге там не насадили, вообще комментировать довольно сложно, потому что (по крайней мере, со стороны) это обстоятельство выглядит результатом упорства комиссии

Эрнст Неизвестный наконец-то посадил в Москве свое «Древо жизни», могучим замыслом близкое многим шестидесятиникам, в том числе и поэту Андрею Вознесенскому ФОТО ИЛЫ ПИТАЛЕВА.

по монументальному искусству при Мосгордуме. Комиссия была непреклонна и о «Древе» у мэрии раз за разом высказывалась отрицательно. Правда, со странной и малоподобающей компетентным людям мотивацией (форма композиции им, видите ли, напомнила взрыв — не то ядерный, не то какой-то еще; с вескостью такого эстетического суждения, понятно, не поспоришь). Правда, в странных выражениях вроде бистательного афоризма члена комиссии Алексея Комеча: «Это какое-то деструктивное дерево». Но факт налицо: совещательное учреждение, решения которого для мэра являются только рекомендательными, непонятно почему своего

добилось. И «Древо» поставили под стеклянным куполом вестибюля моста «Багратион». Насколько сие место подходит для эзотерического трактата в бронзе, пусть судит читатель.

Поначалу открытие назначили на День города, но в связи с бесланской катастрофой сам Эрнст Неизвестный перенес событие на месяц. Даже и перенесенное, оно немного потеряло в блеске и пышности. Руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой был. Вице-мэр Валерий Шанцев был. Анатолий Чубайс был. И даже Зураб Церетели пришел поздравить вновь обретенного коллегу — надо думать, потому, что ясно же, что

на отечественном рынке опекаемой государством монументальной скульптуры акции Эрнста Неизвестного теперь взлетели высоко-высоко.

Неясно другое. Наши высокие покровители ценят в искусстве идейность, посыл, лозунг. Это понятно, потому что такое искусство не создает для них герменевтических проблем (хотя бы в момент произнесения речи на открытии музея академиком NN). Но тут им предъявили орешек посложнее. Попробуй-ка сведи к слогану семь гигантских лент Мебиуса, племенные тотемы и ералаш из религиозных символов а-ля Блаватская. Вот Валерий Шанцев, например, публично сообщил, что

таким образом скульптор выражает свои фронтовые воспоминания. Михаил Швыдкой был более уклончив и более изящен, но не более понятен. Скульптура, сказал он, «безусловно, служит напоминанием о прошлом, но она также будет служить и напоминанием о будущем». Не вольно думаешь: не пожалеть ли Эрнста Неизвестного; человек, понимаете, «синтетическую мистику» десятилетиями творил, а тут его толкуют так простецки. Но с другой стороны, не везение ли это — плод своего скульпторского визионерства разместить не где-нибудь, а в самом столичном сердце визионерства градостроительного?